

ПЕТР ЧЕЙГИН

ЗОНА ЖИЗНИ

Избранные стихи 1967–2023 гг.

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 82-821
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч36

Права на стихотворения, отмеченные звездочкой,
любезно предоставлены издательством
«Новое литературное обозрение»

Чейгин, П.

Ч36 Зона жизни : Избранные стихи 1967–2023 гг. / Петр Чейгин ; [предисл. А. Азаренкова]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 697 с. — (Серия «Часть речи»).

ISBN 978-5-517-10855-5

В сборник стихов петербургского поэта Петра Чейгина вошли избранные стихи 1967–2023 гг. Как отмечает в предисловии Антон Азаренков, творчество Чейгина — «темные» стихи «ясного» поэта: принципиальная «непонятность» соединяется в его лирике с парадоксальной убедительностью. Однако стихи Чейгина и не требуют от читателя понимания, интеллектуального постижения. Их нужно воспринимать: уловить настроение стремительной импровизации, ухватить «выведенное из окружения» слово, которое становится самой сутью вещи.

УДК 82-821
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Чейгин П. Н., 2024
© Азаренков А. А., предисловие, 2024
© ООО «Новое литературное обозрение», 2024
© Фонд Бориса Смелова, фотография
на обложке, 2024
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2024

ISBN 978-5-517-10855-5

ЗОНА ЖИЗНИ

«Зона жизни» — наиболее полное на сегодняшний день собрание стихотворений Петра Чейгина.

Родившийся в 1948-ом году, Петр Чейгин принадлежит к тому поколению петербургских неподцензурных поэтов, которое сейчас принято называть поколением «после Бродского». Чейгин прошел многие этапы «социализации» этого поколения: первые серьезные стихи — со второй половины 60-х, тогда же — Малая Садовая, «Дерзание» и ЛИТО Глеба Семенова; 70-е — «Сайгон», сам- и тамиздат; 80-е — «Клуб-81». Другими словами, Чейгина нельзя назвать одиночкой. Однако его положение в отечественной словесности всегда было особенным — прежде всего из-за характера его сочинений, которые не так-то просто соотнести с чем-то привычным, обжитым нашей критикой и филологией. Стихи Чейгина *другие*.

Практически все, кто писал о поэзии Чейгина, отмечали ее принципиальную «непонятность» и в то же время — парадоксальную убедительность. Вот несколько характерных цитат:

Мощное языковое подсознание сообщает его на первый взгляд невразумительным текстам огромную эмоциональную энергетику.

Виктор Кривулин

Суть его постоянных, достаточно интенсивных раздумий остается невнятной, как у рок-барда, музыка стиха — особая, статуарная, почти скульптурная музыка — завораживает.

Виктор Топоров

У Петра Чейгина слова льнут друг к другу в ошарашивающе необычном, а потому запоминающемся порядке.

Андрей Арьев

Лирика Чейгина — чистая лирика, не признающая за собой никакого закона, кроме, собственно, «музыки». Ольга Седакова называла эту свободу чейгинского словаря «птичьим житием поэзии». С этим нельзя не согласиться. Чейгин принадлежит к самым «птичьим» русским поэтам, таким как поздний Мандельштам, Хлебников, Введенский... Его стихи не требуют от читателя полного понимания, то есть интеллектуального постижения, добываемого «медленным чтением». Может быть, это и необязательно (хотя пытливый, вооруженный терпением и фантазией читатель почти всегда будет вознагражден). Стихи Чейгина нужно *воспринимать*, а не понимать: улавливать их настроение, доверять каждому сюжетному изгибу, в конце концов — наслаждаться их безошибочной фоникой. Лучше всего читать вслух — и то, что с листа казалось сюрреалистическим (а новейшему читателю напомнило бы «поэтику» нейросетей), вдруг приобретает основательность и неизбежность. Естественная среда обитания поэзии Чейгина — это бормотание поэта, пытающегося запомнить «с голоса» стихи, которые только что ему приснились. Там они были исполнены смысла — здесь же почти рассыпаются, но всё равно содержат в себе что-то свободное и живое — то, что сам автор иногда называет «бредом»:

Бред капает с утра
Стихами с заморозкой...

Или:

Бред по стеблям головы
и на свежей авторучке...

Будучи уложен в странные, но все-таки стихи, с правильным метром и рифмой, «бред» становится «опрятным»:

Бред опрятный хлеба просит
над распоротой Невой...

Чейгинской поэтологии вообще свойственен этот «пифический» словарь: писать стихи — «дурманствовать», не писать стихов — «сдерживать шары безумия», вдохновение — «мгла самозабвенья», карандаш — «блаженный» и т. п. За всем этим стоит давняя традиция поэтического безумства, которое еще со времен Платона ставится выше житейской мудрости: «Творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых» («Федр», 245a). «Здравомыслящим», музейным поэтам достается и от Чейгина:

Боже мой, как вы мне надоели,
на ходулях стиха через греческий зал,
ниспадая в свои колыбели...

Топос творческого безумия предполагает одержимость некоей высшей силой, которая выводит поэта за пределы его собственной личности. В разные времена под этой силой понимали Музу, Бога, «музыку стиха», личное или коллективное бессознательное и, наконец, сам язык:

Предисловие к слову.
Судьба. Повторить не смогу,
когда запятая решает,
куда мне пойти на сегодня,
когда говорят звонари,
о чём мне язык говорит.

Это из ранних стихов конца 60-х годов. То же — спустя без малого полвека:

Почерк отбился от рук, водит, как хочет,
куда и не правит ладонь.
Не заступи, рифмой не тронь...

Доверие к языку, «писание набело» — один из сквозных чейгинских мотивов. Даже не мотивов, а конфликтов:

«предисловие» (обычно для него выбираются образы ветра, шума листьев, нерасчлененного гула etc.) неизбежно сталкивается со «словом». Прежде всего рифмой:

Уводящий в рифму веток хор...

Где-то на рифмах моих затерялось увечье пассата...

В этой книге слово «рифма» встречается 50 раз — больше, чем в словаре какого-либо другого поэта. Почему для Чейгина это так важно? Наверное, потому, что писание в рифму, а также, как правило, в строго-классическом размере, позволяет поэту быть больше самого себя — вести речь туда, где он и не думал оказаться:

...рифма на «зигзаг» фрамугу рвёт,
на ладони меркнет пешеход.

13 августа 2013 г.

Рифма на «зигзаг» — Зонтаг.

Природа чейгинской формы — стремительная импровизация, (псевдо)экспромт, часто удивляющий и самого автора. Отсюда — общее ощущение естественности и убедительности его речи. Эта убедительность не ложна, как бывают «убедительны» слова умалишенных. Как бы ни примерял на себя Чейгин, отдавая дань традиции, маску безумца, он остается в высшей степени *реалистическим* поэтом. Прибегая к расхожей гаспаровской дихотомии, можно сказать, что творчество Чейгина — это «темные» стихи «ясного» поэта. Прежде всего ясен его взгляд: описывая предмет, поэт смотрит *прямо* на него и стремится определить его словно впервые, не доверяя ни первым — автоматическим — ассоциациям, ни литературной условности. Впрочем, автор прекрасно осознает, что совершает нечто «недопустимое», что, отвергая «готовые» слова, он нарушает неписанный закон культуры — сообщать что-то новое, опираясь на незыблемое, хорошо известное:

Недопустимой породы
несут дуновенья слова,
дышат в телячьей траве
на подносе июня.

В лёгкой светёлке осы
свет обнажает глаза...

Остается только надеяться на смелость читателя, готового сойти с привычных опор — «мифа», «традиции», «вкуса» и т. д.

Александр Веселовский писал:

Не только солидарность с средой, но и обязательность образов прошлого вносит в поэтическую деятельность законность, исключаящую гипотезу личного вымысла. В данных условиях личный вымысел может существовать единственно под условием объективного существования в современной среде, где он в свою очередь обусловлен заветами истории, формулами представлений, ведущих свое начало из далекой мифической старины.

У Чейгина «личный вымысел» отменяет не то чтобы солидарность с какой-либо средой, особенно литературной, но и практически любую обязательность и законность высказывания, оставляя и автора, и читателя наедине со своим опытом.

Речь, однако, не идет о чистом фантазме, конструировании «второй природы» поверх «первой» в ультрамодернистском духе. Освобожденное, «выведенное из окружения» (определение Чейгина) слово стремится в этих стихах стать самой сутью вещи, ее единственно верным именем. Слово практически утрачивает свои свойства условного знака, превращается в тонкую пленку между поэтом и природой:

Где те слова, что я распеленал,
разыгрывая рошу, приближаясь?

Или:

В паутине слово отзовется
И на камне выявит лицо...

Стихи Чейгина очень напоминают сны. Как и во сне, внешнее и внутреннее в них — это одно и то же. В них практически отсутствуют какие-либо аффекты, волевые движения — их субъект просто существует *при* том, что видит. Сюжеты развиваются не по формальной, а по онейрической логике: раз что-то произошло, значит, оно *должно* было произойти, независимо от того, возможно это или нет. Спящий отлично понимает эту логику и только проснувшись удивляется странности своего воображения. То же и со стихами, сочиненными во сне, где, перефразируя расхожее выражение, на яблоне вполне могут расти не только золотые яблоки, но и груши. Чтобы понять Чейгина, придется «заснуть»:

Чем мы располагаем? Всё — слова.
Слова и сны, и между ними — эхо.

Сон — это не только одна из самых частых чейгинских тем, но и сам принцип его поэзии. Однако сон здесь не означает нереальность, дурман, развоплощенность — напротив, это сны наяву, не размывающие реальность, а наводящие на нее самую точную, почти галлюцинаторную резкость. Поэтический мир Чейгина очень предметен, если не сказать физиологичен. Одно только слово «тело» встречается в книге больше ста раз — и это не считая его отдельных частей и проявлений. Это не только человеческое тело, но также и «тело почвы», «тело дождя», «тело подушки», «тело пыли» и др.:

Уже гудело колесо стрекозы,
на сотню волостей распахивая тело...

Прибавим сюда богатейшую фауну, дику и одомашненную. Еще — многочисленные метафоры такого рода: